

ГЛАВА II

РАЗРЯДЫ МЕСТОИМЕННЫХ СЛОВ

§ 1. Разряды изменяемых местоимений

Ниже приводится наиболее распространенная в русистике классификация местоимений¹. Одновременно рассматриваются некоторые семантические и функциональные особенности местоимений каждого из разрядов.

1. Личные местоимения: *я, ты, он (она, оно, они), мы, вы*. Если исходить из гипотезы о том, что все местоимения выражают отношение субъекта речи (*я*) к тому, о чем он говорит², то личные местоимения оказываются центральным семантическим разрядом в системе местоимений.

¹ Как правило, классификация местоимений в том виде, как она представлена ниже, строится на материале лишь изменяемых местоименных слов (см. еще у Ломоносова: «Местоимение есть часть склоняемая <...>» — *Ломоносов 1952: 747*). В соответствии с этой традицией в данной главе сначала рассматриваются изменяемые местоимения, а затем неизменяемые.

² «Если значения частей речи суть первообразы философских понятий субстанции, атрибута и акциденции, то значения местоимений являются первообразами таких понятий, как «личность», «самость» <...>» (*Пешковский 1938: 164*). Хотя А.М.Пешковский и не рассматривал местоимения как часть речи (он говорил о явлении «местоименности» в языке), приведенное выше его высказывание можно рассматривать в качестве способа интерпретации категориального частеречного значения местоимений.

По мысли А.М.Пешковского, система местоименных слов организована иерархически. (Отметим, что А.М.Пешковский не первый, кто говорил об этом.) В этой системе выделяются первичные, вторичные и «третичные» разряды. Значения местоимений вторичных разрядов «опираются» на первичные разряды, значения третичных местоимений «уясняются» из значения вторичных разрядов (ср. высказывания К.Бюлера о семантической замкнутости указательного поля). К первичным Пешковский относил местоимения личные, указательные и вопросительные (см. также *Майтинская 1969: 273*)¹. Например, местоимения *инной* и *другой* обозначают «не такой», «не тот»; *сам* в свою очередь означает «без помощи других» и т.д. (*Пешковский 1938: 168*). Если, однако, следовать идее, разделяемой и Пешковским, об особом месте личных местоимений в местоименной системе, то и среди первичных местоимений следовало бы наметить иерархию, выдвигая на первое место среди «первичных» местоимений личные.

Личные местоимения — одно из важнейших средств, служащих для «обращения языка в речь». Поэтому значения, выражаемые личными местоимениями, относятся к числу универсальных, т.е. наличествующих во всех языках. «Весьма примечательный факт — но кто думает его примечать, настолько он обычен! — что среди знаков любого языка, какой бы эпохе или области он ни принадлежал, всегда обнаруживаются личные местоимения» (*Бенвенист 1974б: 295*).

Исследователи констатируют, что во всех языках в местоимениях выражается противопоставление трех лиц (*Майтинская 1969: 148; Гринберг 1970: 141; Соколовская 1980*). Наиболее отчетливо это противопоставление представлено в единственном числе (*я — ты — он*). При этом в «подавляющем большинстве языков существуют специальные формы» (специальные лексемы. — *В.Е.*) для обозначения всех трех лиц единственного числа (*Соколовская 1980: 90–92*).

Оппозиции значений, выражаемых личными местоимениями, не являются симметричными. Местоимения первого и второго лица (*я, ты*), противопоставляясь друг другу, вместе противопоставляются местоимению третьего лица. Иначе говоря, оппозиция *я — ты* не равна

¹ Личные, указательные и вопросительные местоимения почти не замещаются (*Майтинская 1969: 283*). Это одно из проявлений их иерархического главенства в системе местоимений.

оппозициям я — он и ты — он (см., напр.: *Левицкий 1985: 14–15*). Говоря о значении третьего лица, Э.Бенвенист характеризует его как «не-лицо» (*Бенвенист 1974в: 262*)¹. Действительно, если я и ты обозначают только людей и только занятых в строго определенных ролях в каждом данном, конкретном акте коммуникации (это «лица» данного, конкретного акта коммуникации), то он (она, оно) обозначает, во-первых, «отсутствующее» (как формулировалось арабскими грамматистами — *Бенвенист 1974в: 262; Фролов 1980: 138*) в акте коммуникации лицо (т.е. это не-лицо акта коммуникации), а во-вторых, это может быть обозначение и не лица вовсе (не человека), а предмета (явления, события): *Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериной II он один является самобытным сподвижником просвещения* (Пушкин); *В конце книги своей Радичев поместил слово о Ломоносове. Оно написано слогом надутым и тяжелым* (Пушкин); *Моя собака не любит рыбу, она предпочитает мясо* (пример из: *Падучева 1985: 151*); *В профессиональном спорте расширяется использование разного рода стимуляторов. Оно* (несмотря на то что местоимение оно формально отсылает к слову использование, содержательно это местоимение является анафорической отсылкой ко всему предшествующему предложению) *приводит к серьезнейшим нарушениям в жизненно важных функциях организма* (из газет).

Специфика положения местоимений 3-го лица в системе личных местоимений связана и с историей формирования этой системы. Возникновение данных местоимений² в языках — факт сравнительно недавний. Так, русское местоимение он (она, оно) и его падежные формы образуются из слияния указательного местоимения онъ (она, оно)³ и указательного же местоимения с основой (А.Мейе) *je-* (и,

¹ См. о критике точки зрения Э.Бенвениста во французской лингвистике: *Щерба 1982: 64–66*.

² Применительно к одним языкам следует говорить о местоимениях 3-го лица, применительно же к другим, в частности к русскому, целесообразнее говорить о местоимении 3-го лица.

³ Указательное местоимение онъ «было обычным до середины прошлого столетия» (*Трофимов 1957: 133*), правда, как отмечает Ф.И.Буслаев, «только в книжном языке»: *В онъ день, как тебя сочетали бессмертную с смертным* (Жуковский) (*Буслаев 1959: 392*). См. весьма выразительные примеры употребления этого местоимения в определении суда в «Дубровском» Пушкина (глава вторая).

и)⁴. «Новая тенденция славянских языков выражать при глаголе местоименно-подлежащее (эта тенденция свойственна не только славянским языкам. — В.Е.)⁵ привела к объединению с указательным местоимением (с основой *je-*. — В.Е.) местоимения, давшего ему формы именительного падежа; этим местоимением вообще является онъ <...>» (*Мейе 1951: 352*). Получившееся при этом местоимение³, выражая личное значение, не теряет и свойств местоимений указательных. В частности, в отличие от местоимений 1-го и 2-го лица, не имеющих анафорической, заместительной функции (они не употребляются «вместо имен») и местоимение 3-го лица этой функцией обладает (см. примеры выше)⁵ и главным образом в этой функции и употребляется.

Иными словами, местоимения 3-го лица, таким образом, как бы не вполне личные, т.е. так личные, как личными являются местоимения

¹ Еще М.В.Ломоносов в «Материалах к «Российской грамматике» онъ и его (ж.р. ея, мн.ч. ихъ) подавал как два местоимения (его не имеет формы именительного падежа) (*Ломоносов 1952: 753*).

² По-видимому, можно говорить вообще об усилении тенденции к выраженности подлежащего (независимо от способа его выражения). Ср. данные применительно к предложениям со сказуемым (компонентом сказуемого) глаголом *быть* (взгн) «Количество случаев с невыраженной левой валентностью (невыраженным подлежащим. — В.Е.) сократилось от 40% в древнерусском языке до 7% (в современном русском языке. — В.Е.), что дает основания усматривать здесь тенденцию к стабильности левой валентности <...>, т.е. к положению, при котором восстановление информации из контекста сводится к минимуму» (*Серова 1983: 140*).

³ Из имеющихся обобщающих трудов по истории русского языка трудно более или менее определенно заключить что-либо о времени появления личного местоимения 3-го лица онъ. В одной из последних публикаций такого рода отмечается, что в XII–XIII вв. в письменных памятниках его еще нет, хотя условия для его образования уже сложились (*Древнерусская грамматика: 373–374*).

⁴ В определенных ситуациях речевого общения собственно личные местоимения, однако, выступают и в заместительной функции. Так, в разговоре по телефону звонящий сначала обычно представляется (*с вами говорит Петр Дмитриевич Иванов*) и только после этого использует местоимение я. (Об этом и о позиции некоторых французских лингвистов, в частности Ж.Дюбуа (Dubois J. *Grammaire structurale de français. Nom et pronom*. Paris, 1965), интерпретировавших все личные местоимения в качестве субститутов имен, см.: *Щерба 1982: 65*).

⁵ «<...> Так называемое 3-е лицо — это местоимение в собственном смысле, ибо оно <...> в настоящем смысле употребляется вместо имени (*К.С.Аксаков*. Цит. по: *Виноградов 1972: 263*).

1-го и 2-го лица¹. Не случайно Э.Бенвенист говорит об «отсутствии какого бы то ни было местоимения третьего лица» и о «совершенно особом положении третьего лица глаголов большинства языков» (Бенвенист 1974а: 262). Вполне оправданным поэтому представляется разбиение личных местоимений на две группы — собственно личные и несобственно личные, или личные и лично-указательные (последнее разбиение, отражающее, с одной стороны, историю формирования системы личных местоимений трех лиц, а с другой — близость местоимений 3-го лица с так называемыми «указательными» местоимениями², см., напр.: *Русский язык 1964: 118–119*).

Сходную со значением личных местоимений семантику имеют соответствующие окончания глаголов. Однако личные значения глаголов — это значения «сопутствующие» (сопутствующие лексическим глагольным значениям). В чистом виде, не сопряженном с обозначением действия, лексически семантика персональности передается именно местоимениями. Местоимения 1-го, 2-го лица — это лексически специализированные средства выражения речевых ролей адресанта и адресата. В ситуации непосредственного общения использование этих местоимений — единственно прямой способ именованья людей в этих ролях. Привилегированность положения собственно личных местоимений при обозначении основных ролей коммуникативной ситуации и объясняет отсутствие у них в норме заместительной функции. Во фразах типа *Я, Петров Иван Николаевич, обязуюсь...* в качестве заместителя местоимения следует рассматривать именную группу (*Петров Иван Николаевич*), но не наоборот.

Местоимение 3-го лица, обозначая нечто, не находящееся в «зримом» пространстве речевой ситуации³, требует (чаще) предваритель-

ного либо (реже) последующего называния. Во втором случае, так как референт не может оставаться неизвестным, референтная неопределенность устраняется обычно сразу же: *А он мне нравится, твой отец, ей-ей* (Тургенев).

Поскольку собственно личные местоимения — прямые лексические наименования людей в определенных речевых ролях (ср. именованья в профессиональных, социальных и других ролях — *учитель, музыкант, министр, президент*), то о них можно говорить не только как о дейктических, но и о номинативных единицах языка¹. Как уже отмечалось, то, что, например, местоимение *я* не прикреплено только к какому-то одному конкретному человеку, вовсе не аргумент в пользу их дейктичности и, следовательно, неноминативности. Слово *учитель* может применяться к любому конкретному человеку в соответствующей роли. Семантика слова *я* имеет не менее четкую признаковую структуру, нежели семантика слова *учитель*. Существенная же разница между значением того и другого слова состоит в том, что одно слово указывает на феномен внеязыковой действительности, а второе — на внутриязыковую, грамматико-ситуативный феномен.

Конкурирующая роль глагола в обозначении ситуативно-коммуникативных ролей ограничена, поскольку, во-первых, только часть глагольных форм обладает морфологически выраженной категорией лица. Ср.: *читаю (я), но читал (я, ты, он, учитель)*. Во-вторых, помимо глагольных, существуют безглагольные предложения, в которых обозначение лица осуществляется с помощью местоимений (*Я — учитель*). Но личные местоимения широко употребляются и в сочетании с личными формами глаголов: *Я читаю; ты пишешь книгу; он работает над статьей*. «Не подлежит сомнению, что в стилях современного книжного языка формы настоящего времени 1-го и 2-го лица в сочетании с личными местоимениями являются более нормальными и нейтральными, чем соответствующие формы без личных местоимений» (Виноградов 1972: 361). «Присутствие личных слов можно рассматривать в русском языке как норму, а отсутствие их как отступление от нормы, имеющее всякий раз свои причины и свой смысл» (Пешиковский 1938: 190). Стабильность выражения лица с помощью местоимений

¹ Такое обособленное положение 3-го лица по сравнению с первыми двумя объясняется тем, что 3-е лицо оказывается не личным, а указательным местоимением, по крайней мере в своем прошлом, а в некоторых языках и в своем современном состоянии <...>. Таким образом, личное местоимение, в наиболее чистом своем виде, выступает только в первых двух лицах» (Мещанинов 1945: 226).

² И.Г.Милославский, как и Грамматика 1970, относит местоимение *он (она, оно, они)* не к личным, а к указательным (Грамматика 1970: 305; Милославский 1981: 131).

³ Местоимения 3-го лица «допускают дейктическое (а не анафорическое — В.Е.) употребление лишь в специальных контекстах (*Вот он пусть пойдет*)» (Падучева 1985: 158).

¹ Ср.: «Дейксис как один из способов референции противопоставляется номинации, это противопоставление нейтрализуется в речевом дейксисе» (Словарь 1990: 128)

обусловило приписывание (весьма спорное) категории лица неличным глагольным формам: «<...> Формы лица в прошедшем времени (и в условном наклонении) выражаются аналитически присоединением личных префиксов, личных местоимений 1-го и 2-го лица (добавим сюда и местоимение 3-го лица. — В.Е.) (*я ходил, ты ходил, мы ходили, вы ходили*)» (Виноградов 1972: 362).

Отметим неравнозначность (проистекающую из несимметричности отношений в местоименной, как, впрочем, и в глагольной, системе трех лиц) опущения при личных глаголах, с одной стороны, местоимений 1-го и 2-го лица, а с другой — 3-го лица. Глагольные формы типа *пишу* или *пишешь* воспринимаются в принципе¹ как соотносимые с субъектом (подлежащим), выражаемым местоимением 1-го или 2-го лица. «Напротив, в 3-м лице подлежащим может быть не только личное слово *он*, но и тысячи других слов со всевозможными значениями; понятно, что опущение такого слова сознается как пропуск чего-то важного» (Пешковский 1938: 190). Что касается опущения при неличных формах глагола (*писал — я? ты? он?*), здесь наблюдается более симметричные отношения между личными местоимениями.

Из истории многих языков известно, что роль местоименного способа выражения лица с течением времени усиливается. Если, к примеру, в латинском языке «отсутствие полной парадигмы в подсистеме личных местоимений (нет личного местоимения 3-го лица. — В.Е.) и их нечастое употребление в речи не позволяет считать личные местоимения центром всей системы» обозначения лица (Щерба 1982: 29)², то применительно к современным романским языкам можно говорить об отчетливом перемещении личных местоимений в центр

¹ Мы говорим «в принципе» потому, что в данном случае оставляем в стороне факты иной соотносительности, к примеру, при обобщенном употреблении глагольных форм типа *Красавцу страшно утмляться от холода. Пока меняют лошадей, прикормить где-нибудь в уюлке* (Чехов). У выделенных форм отнесенность прежде всего к 1-му лицу (*я*) и затем как бы и ко 2-му лицу (*ты, вы*) и к 3-м лицам (см., напр.: Гаспаров 1971: 203–209).

² Ср.: Выражение подлежащего «личным (собственно личным. — В.Е.) местоимением не было характерно для древнерусского языка, так как местоимение скорее опускалось, чем употреблялось, уступая выражение категории лица личной форме глагола *быти*. Местоимения же 3-го лица ед. ч. в левой позиции (позиции подлежащего. — В.Е.) редки, а местоимения 3-го лица мн. ч. при глаголе *быти* вообще не встретились» (Серова 1983: 131).

поля персональности, т.е. поля способов обозначения лица (ср.: Щерба 1982: 38, 67) (о поле персональности и его структуре в русском языке см.: ТФГ 1991). Собственно, появление личных местоимений 3-го лица, по-видимому, связано с тенденцией к усилению роли местоименного способа выражения лица (ср. приводившееся выше высказывание А.Мейе о формировании в славянских языках тенденции «выражать при глаголе местоимение-подлежащее»).

Местоимения являются одним из важнейших средств выражения субъективности в языке¹. Личные местоимения — это квинтэссенция семантики субъективности. Местоимение *я* — это точка, в которой объективность и субъективность не только смыкаются, но и преобразуются друг в друга, — точка, где субъективность перетекает в объективность и наоборот. В речемыслительной деятельности человека каждый индивидуум как таковой всегда «*я*», это тот индивидуальный ярлык, который в каждом «моем» речемыслительном проявлении не может быть заменен на какой-либо другой. Индивидуум по отношению к самому себе всегда есть «*я*», и прежде всего «*я*», а, к примеру, не *Иван Петрович Кулаков*, хотя это его имя собственное. Вместе с тем таких «*я*» миллиарды. Иначе говоря, *я* оказывается самым «индивидуальным» словом, словом-отождествителем «моей» и только «моей» личности (т.е. со всеми её индивидуальными особенностями) и одновременно миллиардов таких же личностей, которые для меня, в моей речи не могут быть «*я*», а лишь «*ты*», «*он*», *Петр, Иванов, учитель, слесарь, француз, дурак* и т.д. Для последних же «*я*» — это уже их «*я*», но не мое «*я*». Таким образом, самый механизм языка способствует осознанию человеком себя как неповторимой личности, но поскольку ярлыком этой личности является слово *я*, то тот же механизм языка вынуждает признать право на то же и у другого индивидуума, коль скоро для него, в его речи, в его мысли он всегда «*я*»; то, что в моей речи только что было «*я*», в его речи есть уже «*ты*»².

¹ О субъективности в языке см., напр.: Бенвенист 1974б (отметим, однако, что проявления субъективности в языке много шире тех, о которых идет речь в указанной работе).

² «*Я* есть первое имя, но в нем выразилось личное неделимое сознание. *Ты* есть также личное сознание, признанное в другом, и также неделимое» (Аксаков 1860: 39).

Философия, для которой соотношение субъективности и объективности, субъекта и объекта — один из извечных вопросов, уделяла и уделяет феномену «я» много внимания (правда, с нашей точки зрения, этот феномен далеко не всегда связывается с языковыми механизмами; он часто представляется как некая абсолютная, априорная, внеязыковая данность¹).

На личные местоимения можно посмотреть и в несколько в другом плане — с точки зрения градаций перехода субъективности в объективность. Так, *ты* — это уже не *я*, но тем не менее нечто в «моем» пространственно-временном континууме — континууме речи. Что касается *он*, то в сущности, обозначаемой данным местоимением, уже более объективности, нежели в *ты*. Но и здесь не все одинаково. *Он* «личное» (т.е. обозначающее людей) может легко превратиться и в *ты*, и в *я* («он» заговорит и станет «я»; я обращусь к нему, и «он» станет «ты»), но «он» по отношению к одушевленному существу, но не человеку может превратиться только в «ты» (например, при обращении к животному), но не в «я». Наконец, «он» по отношению к предмету вряд ли в норме может превращаться в «ты». Этим обстоятельством предпрещается аномальность обращения Гаева к шкафу как к *ты* (адресату): «Да... Это вещь... (Ощупав шкаф.) Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твоё существование, которое уже более ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости; твой молчаливый призыв к плодотворной работе не ослабевал в течение ста лет...» (Чехов).

2. Возвратные местоимения: себя, друг друга. В отличие от многих языков, где возвратные местоимения так или иначе дифференцируются по лицам, русское местоимение *себя* оказывается («вселичным»), т.е. соотносительным со всеми тремя лицами (в обоих числах и во всех

¹ В качестве примера такого рода философских сочинений можно назвать содержательную работу Г.Г.Шпета «Сознание и его собственнико» (впервые опубликована в 1916 году). Несмотря на то что она всецело посвящена феномену «я», речевой и речемыслительный аспекты его проявления (первичные, по нашему мнению, среди всех его аспектов) оказываются вне внимания автора. Приведем одно из характерных авторских суждений, связанных с «я»: «<...> Я оказывается как бы одного достоинства с «физической» вещью и, следовательно, прежде всего оказывается, по определению же Гуссерля, трансцендентностью. <...> Но в этом не только нет ничего парадоксального, а это давно нужно признать» (Шпет 1994: 90).

родах): *Я (ты, он, она, оно, мы, вы, они) приготовил (-а, -о, -и) себе завтрак*. Значение местоимения *себя* в приведенном примере «совпадает с реальным значением подлежащего» (Грамматика 1980, I: 536), т.е. *Я приготовил себе завтрак* означает «Я приготовил мне завтрак». Иногда такого совпадения нет: *Я знал людей, недовольных собой; Подумай о людях, не жалеющих себя* (примеры из Грамматики 1980). Несмотря на «вселичность», возвратное местоимение *себя* соотносится прежде всего с собственно личными местоимениями *я, ты, он* (последнее в личном употреблении, т.е. при обозначении людей) и с существительными-названиями людей; в меньшей мере с существительными-названиями животных; намного реже — с существительными, обозначающими неживые сущности¹ (ср.: Шелякин 1986: 30). Иначе говоря, местоимение *себя* соотносительно в предложении главным образом со словами, обозначающими в реальной действительности такие сущности, которые характеризуются признаком активности (о лингвистическом понимании этого признака см., напр., Тыны предикатов 1982: 68–69).

Отметим бесподлежащее употребление местоимения *себя*, когда оно соотносительно, по выражению Е.В.Падучевой, с «подразумеваемым подлежащим». Часто предложения с таким «подлежащим» имеют обобщающий характер: *Познай самого себя (себя соотносительно с подразумеваемым подлежащим) ты* в обобщенно-личном значении); *Осознание самого себя связано с возможностью изменить самого себя (подразумеваемое «подлежащее» — всякий человек).*

Как обычно утверждают, в силу своего объектного значения возвратное местоимение не имеет формы именительного падежа.

Возвратное местоимение *себя* входит в состав довольно большого количества фразеологических оборотов и устойчивых сочетаний: *само собой, не по себе, выдать себя с головой, не помнить себя, хорош собой, собой молодец* и мн. др.

¹ Напр.: Эта книжка содержит в себе девять повестей (Белинский).

К местоимениям относят и «выражение» *друг друга*, которое квалифицируется как взаимно-возвратное (взаимное) местоимение¹. Оно имеет много общего с возвратным местоимением *себя*. В частности, подобно местоимению *себя*, оно лишено именительного падежа и не может быть в предложении подлежащим. Подлежащее (или группа подлежащего типа *Иван с Марьей*) в предложении с взаимным местоимением обозначает некое множество (не менее двух) субъектов действия. Предложение *Они любили друг друга так долго и нежно, с тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной* (Лермонтов) обозначает, что действие одного из субъектов (А) распространяется на другой субъект (В) как на объект, причем этот же самый субъект (А) одновременно является объектом однотипного действия со стороны субъекта В. Действия, таким образом, совершаются «взаимно»: *Бойцы курили и хвалились друг перед другом: кто оружием, добытым в бою <...>, — кто донским скакуном* (А.Н.Толстой); *Они взглянули друг на друга, глаза их встретились* (Лермонтов); *Противники стояли шагах в сорока друг от друга* (Л.Толстой).

Порядок компонентов взаимного местоимения фиксированный: первый компонент (*друг*) является неизменяемым, второй имеет падежные формы (кроме именительного). При употреблении местоимения с предлогом (*смотрели друг на друга*) последний ставится перед вторым, изменяемым, компонентом.

Помимо возвратного и взаимно-возвратного местоимений возвратное значение выражается в русском языке и постфиксом *-ся* (восходящим к форме вин. пад. *ся* местоимения *себе*). Вместе с тем постфикс *-ся* многозначен и имеет не только возвратное значение; вследствие этого можно говорить о том, что возвратное значение более четко выражается именно местоимениями. Для акцентирования возвратного значения возможно в определенных случаях его дублированное выражение; ср.: *Они обнимаются* и *Они обнимаются друг с другом*.

¹ К взаимным местоимениям иногда относят также выражение *один другого*: *Две сравнительно близкие звезды притягивают взаимно одна другую* (Откупщикова 1984: 57). Различают две лексемы *один за другим* 'поочередно' и *один другого* 'друг друга'. «При склонении лексемы *один за другим* изменяется первая часть (*одного за другим, одному за другими* и т.д.), при склонении лексемы *один другого* — вторая (*одни другому, один с другим* и т.д.)» (Булыгина-Шмелев 1997: 359).

3. Притяжательные местоимения: *мой, твой, наш, ваш, свой*. Притяжательные местоимения соотносятся с собственно личными (*я — мой, ты — твой* и под.) и возвратным (*себя — свой*). С особым положением местоимения 3-го лица в системе личных местоимений связано отсутствие «собственно лично-притяжательных» местоимений (типа *мой, ваш*) 3-го лица.

Несмотря на отчетливую корреляцию указанных разрядов местоимений, отношение возвратно-притяжательного местоимения *свой* к лично-притяжательным не вполне соответствует отношению возвратного местоимения *себя* к собственно личным, т.е. *свой: мой, твой; свои: наши, ваши; себя: я, ты, мы, вы*. Так, неправильным будет предложение *Я смотрю на меня в зеркало* или *Ты смотришь на тебя в зеркало*, тогда как «при субъекте в 1-м и 2-м лице *свой* чередуется с *мой* и *твой*: *Любишь ли ты твою мать* или *свою мать?*» (Шахматов 1941а: 497).

Возвратно-притяжательное местоимение в предложениях с субъектом, обозначенным собственно личными местоимениями, далеко не всегда может свободно чередоваться с лично-притяжательными. К примеру, в предложении *Ты позабыл свои добрые привычки* местоимение *свои* вряд ли может быть заменено на *твои* (Шахматов 1941а: 497). А.М.Пешковский, характеризуя отношение между возвратно-притяжательным местоимением и лично-притяжательными местоимениями, интерпретирует его не как «чередование», подобно А.А.Шахматову, а как конкуренцию. В частности, замена лично-притяжательных местоимений на *свой* и обратно может приводить к определенным изменениям в семантике предложений. «Так, едва ли случайно Борис Годунов говорит в одном случае: *в семье моей я мнил найти отраду, а дочь мою мнил осчастливить браком*, а в другом случае — *кто ни умрет, я всех убийца тайный: я ускорил Феодора кончину, я отравил свою сестру царицу*... Во втором случае *свой* больше подходит, чем *мой*, потому что высказывается мнение не самого Бориса, а его хулителей, которые про него говорили: «Он отравил свою сестру», так что *свой* намекает здесь на этих хулителей, а *мою* излишне подчеркивало бы участие говорящего в той мысли, которой он не разделяет» (Пешковский 1938: 169). Следовательно, при возможном выборе (выборе, осуществляемом говорящим «я») между *свой* и лично-притяжательными местоимениями, предпочтение последних оз-

начает подчеркивание более тесного, более «личного» отношения принадлежности, нежели в том случае, если выбирается возвратно-притяжательное местоимение.

В случае «противопоставления» в предложении двух семантических субъектов выбор притяжательных местоимений не может быть свободным: *Поместите в газете мою (но не свою) заметку, Я, к твоей (но не своей) радости, нашел твою книгу* (Трофимов 1958: 138).

Помимо местоимения *свой*, принадлежность 3-му лицу обозначается с помощью формы родительного падежа лично-указательных местоимений (*его, ее, их книги*). В настоящее время имеется весьма устойчивая традиция рассматривать *его* (м. и ср.р.), *ее* (ж.р.), *их* в качестве самостоятельных неизменяемых лексем (см., напр.: Янко-Триницкая 1982: 78; Шелякин 1986: 23; Баранов 1993: 93). Одним из оснований такой трактовки является в первую очередь высокая частотность данных форм при обозначении принадлежности. Кроме того, они, подобно притяжательным прилагательным, обычно употребляются в позиции перед определяемым существительным (*мой дом — его дом*)¹. *Вместе с тем, думается, представление их в качестве самостоятельных лексем преждевременно: их связь с парадигмой лично-указательного местоимения он (она, оно, они) является отчетливой и бесспорной: одним из стандартных значений родительного падежа субстантивно употребляемых лексем является значение принадлежности, притяжательности (дом отца, книга сестры, ножка стола). Формы его, ее, их в сочетаниях типа его дом отвечают не только на вопрос чей?, но и на вопросы субстантивного родительного падежа кого? (реже чего?). Правда, родительный (беспредложный) падеж со значением принадлежности из всех личных местоимений свойствен только местоимениям 3-го лица, что объясняется особым положением последних в системе личных местоимений. И все же, повторяем, нет достаточных оснований квалифицировать формы его, ее, их как отошедшие от парадигмы местоимения он².*

¹ Аргументацию синтаксического плана в пользу выделения *его, ее, их* в качестве самостоятельных притяжательных местоимений см. в: Булыгина-Шмелев 1997: 356–358.

² Любопытно, что М.В. Ломоносов в «Материалах к «Российской грамматике»» в корпус местоимений включает притяжательное местоимение *его* (Ломоносов 1952: 747). В тексте же «Российской грамматике» в перечне местоимений *его* не упоминается.

В русском языке имеются адъективные образования от лично-указательных местоимений 3-го лица: *евонный, ейный, ихний, ихий, йихой* (Шахматов 1941а: 497), подобно местоимениям типа *мой*, согласуемые с определяемым существительным. Однако для литературного языка они не являются нормативными.

4. Указательные местоимения: *этот, тот, сей* (устар.), *оний* (устар.), *такой, таков, таковой, экий* (экой простореч.), *этакий* (эдакий разг., простореч.), *столько*.

По семантическим основаниям указательные местоимения разбиваются на две группы (см., напр.: Шахматов 1941а: 497; Шелякин 1986: 33, 41). Так, М.А. Шелякин, полагая, что указательная функция данных местоимений состоит в «индивидуализирующем выделении предмета в речевой ситуации по тем или иным отношениям к говорящему», первую группу (*этот, тот*) именует указательно-выделительными местоимениями, а вторую группу (*такой, таковой*) — качественно-выделительными местоимениями. Местоимения первой группы указывают на пространственно ближайший — отдаленный по отношению к говорящему предмет. Местоимения *этот — тот* образуют комплементарную оппозицию, т.е. оппозицию, члены которой предполагают друг друга и друг друга взаимно дополняют. Индивидуализирующе-указательная специфика значения данных местоимений способствует тому, что в тексте они могут приобретать функцию, сходную с функцией определенного артикля¹: *Вчера ко мне приходил один человек. Этот человек принес мне свою книгу.*

Если говорить об анафорическом использовании данных местоимений, то исследователи отмечают чрезвычайно широкие и до сих пор не установленные точно возможности в этом плане субстантивной формы *это* (субстантивная форма *то* также характеризуется значительными, но меньшими, чем у *это* потенциями). Она может отсылать к обозначениям предметов, именованным группам, ситуациям, каким-то содержательным структурам, выраженным значительными фрагментами текста; она может отсылать к объекту, «неявно введенному в рассмотрение в предшествующем тексте» (*Стучали негромко, но*

¹ О специфике семантического противопоставления местоимений *этот — тот* в разных условиях их употребления (дейктическом, анафорическом, препаративном и др.), об их артиклевой функции см.: Ревзин 1973

требовательно. Это был Егор Яковлевич); это — единственный способ отсылки к объектам, обозначенным неопределенным местоимением (*Кое-кто из нас здесь лишний. И мне кажется, что это именно вы*) и т.д. (подробнее см.: Падучева 1985: 164–180). Особенности субстантивно употребляемой формы настолько своеобразны, что их учет позволяет говорить о ней как о самостоятельном местоимении — местоимении субстантивного типа (ср.: Падучева 1985: 164).

Качественно-выделительные местоимения указывают на объекты, выделяемые по их признакам (в дейктическом употреблении — по признакам, непосредственно воспринимаемым; ср. знаменитую фразу спортивного комментатора Н.Н.Озерова в связи с одной из игр сборной СССР по хоккею со сборной Канады — игрой, чрезвычайно грубой со стороны канадцев: *«Такой хоккей нам не нужен»*).

Местоимения *таков* и *таковой* используются только в анафорической функции, при этом *таков* используется как именная часть сказуемого. Ср.: (*Старик*) *К чему? Вольнее птицы младость, кто в силах удержать любовь? Чредою всем дается радость; Что было, то не будет вновь.* — (*Алеко*) *Я не таков. Нет, я не споря от прав своих не откажусь* (Пушкин) (отметим, кстати, что местоимение *таков* в приведенном примере не отсылает к какому-то конкретному слову, обозначающему признак; *таков* отсылка к предшествующему текстовому содержанию, которое в местоимении *таков* — преобразуется в признак, представляется как признак).

Указательные местоимения весьма часто сочетаются с частицей *же* (*тот же, такой же* и под.). Эти сочетания имеют усилительно-отождествительное значение; используя их, говорящий подчеркивает тождество какого-либо объекта с ранее названным или известным ему объектом: *Все тот же сон! Возможно ль? в третий раз!* (Пушкин). Словари отмечают употребление *же* в подчеркивающе-отождествительном значении только в сочетании с местоименными словами (т.е. и в комплексе с местоименными наречиями — *здесь же, тогда же* и пр.) (ср.: *Словарь 1981–1984, 1: 474*).

Иногда сочетания местоименных слов с частицей *же* толкуются как особый разряд местоимений. Такого подхода придерживается, к примеру, М.А.Шелякин, который именует данный разряд выделительно-отождествляющими местоимениями (*Шелякин 1986: 43–44*; М.И.Откупщикова называет их «уподобляющими» *Откупщикова 1984: 42–45*).

В противовес подобному способу интерпретации сочетаний типа *тот же* отметим, что частица *же* в подчеркивающе-отождествительном значении может сочетаться не только с местоименными словами: *Выделение объекта из числа однородных осуществляется говорящим. Говорящим же подчеркивается и тождественность этого объекта...*

5. **Определительные местоимения:** *весь, всякий, каждый, любой, другой, иной, сам, самый.*

Определительные местоимения представляют собой неоднородное в плане семантики объединение слов, внутри которого напрашивается более дробное деление. Так, А.М.Пепковский распределял эти местоимения по трем группам: обобщительных (*всякий, каждый, какой угодно, любой*), совокупных (*весь, целый* — в значении 'весь') и выделительных (*сам, самый, весь, иной, другой*) местоимений (*Пепковский 1938: 165*). М.А.Шелякин распределяет их по двум рубрикам выделительно-усилительных (другое название, которое использует М.А.Шелякин, — выделительно-исключающие): *сам, самый*; определительно-обобщающих (утвердительно-обобщающих): *каждый, всякий, любой, все*.

Как почти все местоимения, определительные местоимения характеризуются чрезвычайно широким спектром значений. Акцентирование каких-то аспектов семантики данных местоимений обуславливает разбиение их на большее или меньшее количество групп, которые к тому же могут рассматриваться как самостоятельные или, наоборот, входящие в более крупные группы (по М.А.Шелякину, к примеру, определительно-обобщающие местоимения наряду с отрицательными *никто, ничто, никакой, ничей* образуют класс обобщенно-распределительных местоимений — *Шелякин 1986: 82*).

Отметим основные значения определительных местоимений.

Местоимения *сам, самый* выделяют какой-то объект, выдвигая его на первый план среди других или подчеркивая его самостоятельность, значимость: *Даша играла ту самую сонату, которую разучивала, когда три года тому назад готовилась к экзаменам* (А.Н.Толстой); *Он сам не знал об этом* (смысловое ударение на слове *сам*).

Местоимения *каждый, любой, всякий* выделяют один компонент всего множества как однородный с другими компонентами, «равный» им: *Дам лоджана Петрова отыскать было нетрудно: любой человек на пристани знал к нему дорогу* (Н.Некрасов и Н.Станицкий). Акцентируя однородность, данные местоимения могут выступать и в объ-

едняющей функции, представляя не совпадающие по своим признакам объекты в качестве единого множества: *Ревет ли зверь в лесу глухом, Трубит ли рог, гремит ли гром, Поет ли дева за холмом — На всякий звук Свой отклик в воздухе пустом Родишь ты вдруг* (Пушкин).

Местоимения *весь, всё* объединяют объекты в единое множество (тем самым элементы этого множества представляются как имеющие общие признаки, как однородные): *Всё было ложь в тебе, Все призраки пусты, Ты был не царь, а лицедей* (Тютчев). Сочетаясь с названиями объектов, в семантике которых нет указания на расчлененность—нерасчлененность объектов, местоимение *весь* интерпретирует эти объекты как расчлененные (аморфно расчлененные) единства: *Все лето прожила в деревне*. В этом употреблении местоимение *весь* близко (но не равно) по значению местоимению *целый*: *Целое лето прожила в деревне*.

Одной из основных функций местоимений *иной, другой* является подчеркивание нетождественности объектов (внешне, быть может, и сходных): *Перу старинной нет охоты Марать летучие листья; Другие, хладные мечты, Другие, строгие заботы И в шуме света и в тиши Тревожат сон моей души* (Пушкин).

6. **Вопросительные местоимения:** *кто, что, какой, какое¹, который, чей, сколько*. Выделяются по функции: являться специализированным словом, формирующим вопросительное предложение. Все вопросительные местоимения содержат индоевропейские местоименные корни **k^o / k^u, *k^{ei} / kⁱ (*k^{wo} / k^{we})* (Мейе 1938: 394; Черных 1993). Как полагают, первоначально местоимения с этими корнями имели как вопросительное, так и неопределенное значения (Майтинская 1969: 229–236).

Предложения с вопросительными местоимениями выражают желание говорящего, обращенное к адресату, выяснить, уточнить что-либо для говорящего неизвестное, неопределенное, неясное².

¹ Иногда отмечается книжный и устарелый характер местоимения *какое*. Оно употребляется прежде всего как сказуемое. В этой функции оно вытесняется местоимением *какой*. По мнению М.А.Шелякина, в предложении *А какова у вас река?* (*А какова у вас река? — Да не мелка* (Крылов)) местоимение *какова* без ущерба может быть заменено на *какая* (Шелякин 1986: 55).

² «Вопрос является своего рода просьбой, а именно — просьбой сообщить что-то, дать необходимые сведения» (Есперсен 1958: 351).

Опорные слова разряда вопросительных местоимений (так же как их производные среди относительных, отрицательных и неопределенных) *кто* и *что*, как это обычно формулируется, лексически противопоставлены по категории одушевленности—неодушевленности. Противопоставление вопросительных местоимений в плане разделения деиотатов на людей и не-людей или же на людей и животных, с одной стороны, и предметы, с другой, типично для большинства языков разных систем (см., напр.: Майтинская 1969: 218).

Мнения о характере дифференциации внеязыковых объектов на одушевленные и неодушевленные с помощью лексем *кто* и *что* неодинаковы. Наиболее распространенным является толкование, в соответствии с которым *кто* относится к людям и животным, а *что* — только к предметам, явлениям (см., напр.: Шахматов 1941б: 167; Майтинская 1969: 219). Иное мнение состоит в том, что слово *кто* бесспорно относится к людям (лицам), а слово *что* столь же бесспорно относится к предметам, явлениям; вместе с тем *что* может применяться и по отношению к животным и особенно по отношению «к мелким живым существам» (насекомым и пр.) (Аванесов-Сидоров 1945: 155; Шелякин 1986: 49)¹. Другими словами, наиболее отчетливой зоной семантического противопоставления местоимений *кто* и *что* является противопоставление людей и предметов (явлений, событий). С учетом колеблющегося положения местоимения *что* в плане обозначения живых существ, но не людей, оппозицию *кто* — *что* можно интерпретировать так, что она состоит в противопоставлении лиц (т.е. тех, кто может принимать на себя роли, обозначаемые собственно личными местоимениями, и в первую очередь местоимением *я*) и не-лиц (т.е. тех, кто или что не может принимать на себя роль говорящего). Семантическая оппозиция вопросительных местоимений *кто* и *что*, следовательно, лишь частично соответствует противопоставлению одушевленных и неодушевленных существительных (Аванесов-Сидоров 1945: 155). Ср.: *Видишь что? — Вижу жука* (форма вин. пад. существительного *жук* совпадает с формой род. пад.; *жук* — существительное одушевленное); возможны варианты *Видишь что?* и *кого?* (применительно к жуку), но исключен вариант **Вижу жук*, т.е. вариант,

¹ «...» Обычно говорят: «Это что? Собака или волк?», а не «Это кто?» (Аванесов-Сидоров 1945: 155)

при котором существительное жуж грамматически проинтерпретировано как неодушевленное.

Во многих языках вопросительные местоимения образовались из сложения двух местоименных корней. Русские *кто, что* в этом плане не исключение. Вот одно из мнений о причинах сложения: «Для именительного падежа местоимения в виде *къ, съ* были недостаточно полными: они получили распространение посредством местоименного элемента (местоимения. — В.Е.) *-to: kto, čto*» (Селищев 1952: 121).

7. Относительные местоимения: *кто, что, какой, который, каковой* (книжн., устар.), *каков* (устар.), *кой* (устар.), *чей, сколько*. Данные местоимения отличаются от вопросительных по функции: они служат средством присоединения придаточного предложения к главному в рамках сложного предложения; при этом, в отличие от союзов, выступают в качестве члена предложения: *У Борисовых детей были игрушки, которых я ужасно боялся* (Фет). По составу незначительно отличаются от вопросительных: местоимения *каковой* и *кой* используются в настоящее время как относительные (ср. вопросительное употребление *кой*: — «А кой тебе годик?» — «Шестой миновал» (Некрасов)). Часто относительные местоимения рассматриваются в рамках одного разряда с вопросительными (вопросительно-относительные местоимения). Аргументами в пользу такой интерпретации является не только почти тождественность состава вопросительных и относительных местоимений, но также и то обстоятельство, что в относительном употреблении местоимения могут не полностью утрачивать и вопросительное значение: *Покажи, что у тебя в руке; Он забыл, зачем пришел* (Грамматика 1980, I: 721). Представляется, однако, что относительные местоимения, несмотря на их бесспорную теснейшую связь с вопросительными, все-таки предпочтительнее толковать в качестве самостоятельного разряда, ибо от вопросительных они отличаются не только по функции, но в определенной мере и семантически. Отметим некоторые особенности относительных местоимений.

Относительное местоимение *кто* соотносится в реальной действительности только с людьми, «лицами». Если возможно вопросительное предложение *Кто летит?* применительно не к человеку (птица, комар), то неправильны предложения с относительным *кто* с такой референтной отнесенностью: **Птица, кто летит за кораблем...* (возможно *Птица, что / которая / какая летит за кораблем...*). С другой стороны,

относительное *что* может употребляться по отношению к людям (названиям людей): *Вы та девица, что ушла от Сипягиных?* (Тургенев). Естественно, относительное *что* может соотноситься в реальной действительности с животными, птицами, предметами и т.д.: *Мне припомнилась нынче собака, что была моей юности друг* (Есенин); *Что с возу упало, то пропало*. Относительные и вопросительные *кто* и *что* различаются и сочетаемостными возможностями. В отличие от вопросительных, относительные *кто* и *что* могут сочетаться с глаголами во мн. числе: *Все, кто мог ехать, ехали сами собой, те, кто оставались, решали сами собой, что им надо было делать* (Л.Толстой) (пример из Грамматики 1980, I: 722); *Люди, что стояли на берегу, увидели, наконец, утопающих* (пример из: Шахматов 1941а: 498). Вопросительное местоимение *что* в норме сочетается с глаголами в форме единственного числа среднего рода (*Что случилось?*). Относительное же местоимение *что* может обозначать лиц, сочетаться со словоформами любого рода: *человек, что приходил вчера; женщина, что приходила вчера; дитя, что плакало здесь минутой назад*.

В отличие от вопросительного местоимения *который*, имеющего отчетливое признаково-выделительное значение (*А в которые двери нужно выходить в те или эти?* (Гоголь)), относительное *который* чаще всего этого значения не выражает: *Николай Петрович глянул на него из-под пальцев руки, которою он продолжал тереть себе лоб, и что-то калхнуло его сердце* (Тургенев). Относительные местоимения *кто, что, какой, чей, который* и относительные местоименные наречия *где, куда, откуда* и др. входят между собой в функционально-синонимические связи. Ср.: *В ту же ночь широкая лодка отчалила от гостиницы, где поселились Инсаровы* (Тургенев) — *от гостиницы, в которой поселились...*; *В клетках, что подавали за завтраком, было много луку* (Чехов) — *в клетках, которые / какие подавали за завтраком* и т.п. При этом если вопросительное местоимение *который* характеризуется весьма узкой сферой употребления и почти вытеснено местоимением *какой* (ср.: *А в которую дверь надо выходить?.. — А в какую дверь надо выходить*), то относительное *который*, наоборот, имеет чрезвычайно широкую сферу употребления.

Разграничиваются два способа употребления относительных местоимений: 1) выбор относительного местоимения и его лексико-грамматические характеристики не зависят от главного предложения и

определяются только связями местоимения с другими словами в рамках придаточного предложения: *Я не знал, кто приходил / зачем он приходил / сколько времени осталось / чей это дом* и т.п.; 2) выбор местоимения и его характеристики так или иначе предопределяются главным предложением, точнее — словоформой главного предложения, с которой соотнесено местоимение в придаточном: *Дом, в котором мы жили...* — зависимость обусловленная частеречной семантикой слова *дом*, его родом и числом; *Гостиница, где поселились Инсаровы...* — зависимость, обусловленная предметным (субстанциональным) значением слова *дом* (ср.: невозможность **Неделя, где мы жили...* и, наоборот, правильность: *Неделя, которую мы прожили на Щучьем озере...*)¹.

8. Отрицательные местоимения: *никто, ничто, некого, нечего, никакой, никоторый, ничей, нисколько*.² Производны от вопросительных местоимений. Образованы при помощи отрицательных приставок *не-* и *ни-*. Тесно связаны по значению и с относительными местоимениями. Являются одним из основных средств выражения категории отрицания. Имеют обобщающе-отрицательное значение.

Местоимения с приставкой *ни-* употребляются преимущественно в отрицательных предложениях — предложениях со сказуемым с отрицанием: *Я не могу ничего делать и не могу ни о чем думать* (Гаршин); *Вообрази: я здесь одна, Никто меня не понимает...* (Пушкин). Сравнение предложный типа *Никто меня не понимает* и *Меня все не понимают* обнаруживает, что в предложениях первого типа отрицательные местоимения на *ни-* имеют не только обобщающе-отрицательное значение, но и подчеркивающе-исключающее (ср.: *Грамматика 1980, II: 412*): **ни один элемент** из всего класса’.

Употребление местоимений на *ни-* в предложениях с неопределенными глаголами (или шире — сказуемыми) предельно ограничено. Возможность такого употребления как правило связана с лексической трансформацией местоименных слов или же отдельных их форм. Так,

¹ Более подробно о способах употребления относительных местоимений см., напр.: *Грамматика 1980, I: 721–722*.

² К отрицательным местоимениям относится и *никой*, в настоящее время употребляющееся в составе фразеологизмов *никим образом, ни в коем случае, ни в коем разе* (простореч.).

местоимения *никто, ничто* в подобном употреблении имеют значения ‘лицо, не имеющее веса в обществе, ничтожная личность’, ‘не находящийся в родственных дружеских и т.п. отношениях с кем-л.’, напр.: *Вот нас честит! Вот первая, и нас за никого считает* (Грибоедов) (*Словарь 1981–1984, II*). Местоимение *никакой* имеет значение ‘негодный, плохой’: *Музыкант он никакой*. Словоформы *ни с чем, ни за что, ничем* лексикализуются и сочетаются только с узким кругом глаголов: *остаться, уйти ни с чем; пропасть, погибнуть ни за что; кончиться ничем* (*Грамматика 1980, II: 413*)¹.

Что касается отрицательных местоимений с приставкой *не-* (*некого, нечего*), то они употребляются с инфинитивом и обозначают отрицаемый, обобщенно представляемый объект: *Сознайтесь, делать на этом свете нечего...* (Чехов); *И не с кем говорить, и не с кем танцевать* (Чехов).

Помимо безусловных словообразовательных и, естественно, семантических связей с вопросительными и относительными местоимениями, отрицательные местоимения семантически тесно связаны с определительно-обобщающими местоимениями. В контексте местоимения двух указанных групп могут входить в синонимические и антонимические соответствия, напр.: *Никто из класса меня не любит — Все в классе меня любят / не любят; Его каждый / всякий уважает — Его все уважают — Никто его не уважает* и т.п.

9. Неопределенные местоимения: *некто, нечто, некоторый, некий, кто-то (-либо, -нибудь), кое-кто, что-то (-либо, -нибудь), кое-что, какой-то (-либо, -нибудь), кое-какой, чей-то (-либо, -нибудь), сколько-нибудь (-то), несколько* и нек. др. Так же, как и отрицательные, данные местоимения производны от вопросительных. Естественно, связаны и с относительными местоимениями. При образовании использованы аффиксы (форманты) со значением неопределенности: *не-, кое-, -то, -либо, -нибудь*.

¹ Вообще, нужно отметить, что местоимения, вследствие очень высокой частотности их употребления, чрезвычайно «склонны» к лексикализации отдельных их форм, образованию фразеологизмов, вхождению во фразеологизмы, устойчивые сочетания и т.п.

Неопределенные местоимения относятся к числу важнейших средств выражения категории определенности—неопределенности русского языка (об этой категории см., напр., ТФГ 1992).

Интерпретация значения неопределенных местоимений один из сложных вопросов местоименной семантики. Ему посвящено довольно значительное количество работ. Укажем некоторые: Пете 1957; Селиверстова 1964, 1988; Маловицкий 1974; Левин 1973; Николаева 1983; Падучева 1985; Шелякин 1978, 1986.

В соответствии с характером обозначения неопределенности неопределенные местоимения в настоящее время обычно разбивают на три или четыре группы.

Одну из групп составляют местоимения с формантом (постфиксом) *-то*: *кто-то, что-то, какой-то, чей-то, который-то* (разг., устар.). С их помощью обозначаются объекты, факт наличия (существования) которых говорящему известен, но «говорящий не в состоянии идентифицировать» их (Падучева 1985: 211): *Вчера к нам кто-то приходил; Кто-то мне говорил об этом; Она спела какую-то песню*. Именно тем, что данными местоимениями передается значение неидентифицированности говорящим объекта, объясняется аномальность предложений типа *Я сейчас пою какую-то песню*. Вместе с тем предложения типа *Я вчера пел какую-то песню* являются правильными, что может быть объяснено тем, что говорящий уже не может или не хочет идентифицировать соответствующий объект. Ю.И.Левин местоимения на *-то* именуется фиксированно-неопределенными (Левин 1973: 116). «Фиксированность» означает, что с помощью данных местоимений говорящий указывает на какой-то отдельный, один объект (несколько объектов — «подмножество») соответствующего класса объектов, а не на любой объект (любые подмножества) этого класса. Более того, можно сказать что данные местоимения указывают на «определенный» объект класса, отделенный от других по каким-то признакам, хотя и неидентифицированный говорящим лично (ср.: Левин 1973: 111).

Местоимения с постфиксами *-нибудь* и *-либо* (*кто-нибудь, кто-либо, что-нибудь, что-либо* и под.) относят к нефиксированно-неопределенным. Именная группа в предложении *Дай мне какой-нибудь карандаш* имеет значение 'безразлично какой для говорящего'. Сема 'нефиксированность объекта (подмножества)', свойственная данным местоимениям, «запрещает» их использование в предложениях типа

**Я взял какой-нибудь / -либо карандаш* (хотя в предложениях, описывающих будущие действия / состояния также употребление является вполне естественным: *Я возьму какой-нибудь карандаш*). Принципиальная нефиксированность объекта, выражаемая данными местоимениями, служит основанием для отрицания у них референтного статуса (Падучева 1985: 210; не случайно поэтому Е.В.Падучева именуется данные местоимения «местоимениями неизвестности»¹; там же: 210).

Местоимения с префиксом *кое-* (*кое-кто, кое-что, кое-какой*) называют полунеопределенными (Левин 1973: 116) или же слабоопределенными (Падучева 1985: 212; Шелякин 1986: 78). Главная особенность этих местоимений состоит в том, что с их помощью обозначают объекты, известные говорящему (адресанту), но неизвестные слушателю (адресату): *Кое-кого из вас я уже видел*. Естественно, известность говорящему объекта предполагает и фиксированность последнего. Кроме того, эти местоимения имеют чаще всего еще и отчетливое количественное значение — 'небольшой, ограниченный в количестве, в том числе и единичный' (синоним — местоимение *некоторый*): — *«Завтра обедай у меня, кое-кто будет.»* — *«Не друзья ли ваши?»* — *«Да, Конев, С., Ф., и еще кое-кто»* (Гончаров) (Шелякин 1986: 78; ср.: Левин 1973: 116).

Что касается неопределенных местоимений с префиксом *не-* (*некто, нечто, некий, некоторый, несколько*), то их семантика не вполне отчетлива (Левин 1973: 116–117), следствием чего являются неодинаковые интерпретации их места в системе неопределенных местоимений. Иногда их помещают в одну группу со слабоопределенными местоимениями (Падучева 1975: 214–215). Ю.И.Левин рассматривает их в рамках фиксированно-неопределенных местоимений (т.е. вместе с местоимениями на *-то*), отмечая, впрочем, что они занимают промежуточное положение между «*кое-*» и «*то-*» местоимениями (Левин 1973: 116–117).

М.А.Шелякин интерпретирует местоимения на *не-* (за исключением лексемы *некоторый*) в качестве особой группы неопределенных местоимений («артиклевые местоимения»), подчеркивая их артиклевоподобную функцию: они «выполняют функцию неопределенного артикля,

¹ Мы этим местоимениям приписали бы «безразличный» референтный статус.

выделяющего отдельное лицо или предмет без интерпретации их в плане признаков известности/неизвестности, существенности/несущественности конкретизации для слушающего (выделено нами. — В.Е.): *Некто в гороховой шинели ко мне подошел и из-под моей книжки тихонько потянул листок «Гамбургской газеты» (Пушкин) (Шелякин 1986: 80).*

Артиклевую функцию часто выполняет слово *один*: *Случилось так, что в числе горничных Анны Павловны находилась одна очень хорошенькая девушка (Тургенев). Местоимения на не- и слово один в функции неопределенного артикля соотносительны с указательными местоимениями *этот — тот* в функции определенного артикля: *Я встретил одного человека, и тот/этот человек сказал мне...* (Ревзин 1973: 124).*

Существует распространенное мнение, что представленная выше классификация местоимений основывается на семантическом принципе (см., напр., *Русский язык 1964: 118*). В то же время некоторые исследователи справедливо указывали, что семантический принцип в данной классификации проведен непоследовательно, и предлагали другие семантические классификации местоимений. Так, А.М.Пешковский писал, что в традиционной классификации не различается семантика корня и собственно грамматических частей (флексий) местоименных слов. Согласно Пешковскому, личными местоимениями следует считать не только *я, ты* и под., но и *мой, твой, ваш* и т.д.; возвратными — *себя, свой*. Им предложены классификационные рубрики обобщительных (*всякий, каждый, какой угодно* и др.), совокупных (*весь, целый*), выделительных (*сам, самый* и др.) и восклицательных местоимений (Пешковский 1938: 165–166). Вместе с тем и классификация Пешковского не лишена противоречий. Так, если личные, возвратные местоимения выделяются на основе общности их корневой семантики (общности корней), то вряд ли то самое же можно сказать об основании разведения на три разряда местоимений вопросительных, относительных («те же, что» и вопросительные, но в значении так называемых союзных слов») и восклицательных («те же, что и

вопросительные, но в значении восклицательных членов в восклицательных предложениях») (Пешковский 1938: 165, 358, 438–443).

Отметим, однако, что построить непротиворечивую классификацию местоименных слов весьма затруднительно, ибо, как и всякая грамматическая по своей природе, семантика местоимений является чрезвычайно сложным для интерпретации объектом.

Естественно, ни традиционная классификация, ни классификация А.М.Пешковского не исчерпывают собой перечень существующих классификаций местоимений. Предлагались и предлагаются и другие классификации. В общих чертах рассмотрим две наиболее известные классификации — М.А.Шелякина и Е.В.Падучевой-С.А.Крылова.

Классификация М.А.Шелякина (по мысли автора) является «функционально-семантической». Она опирается на разграничение типов выделительно-указательных значений, выражаемых местоименными словами. Последние в этом плане подразделяются на 1) личные; 2) притяжательные; 3) возвратные; 4) предметно-выделительные (указывают на предметы по признаку их отношения к говорящему в речевой ситуации): а) выделительно-указательные (*этот — тот*), б) качественно-выделительные (*такой — таков*), выделительно-отождествляющие (*тот же, такой же* и др.), в) выделительно-усилительные (*сам, самый*), г) вопросительные; 5) неопределенные; 6) обобщенно-распределительные (универсальные): а) определительно-обобщенные (*каждый, любой* и др.), б) отрицательные. Особую (7) группу, по М.А.Шелякину, составляют относительные местоимения (Шелякин 1986: 11–12).

С.А.Крылов и Е.А.Падучева разделяют все местоимения на три «логико-семантически» (функционально-семантических) разряда.

I. Дейктические (отсылают к участникам речи или речевой ситуации). Это: 1) личные местоимения 1-го и 2-го лица, а также 2) указательные местоимения в дейктической функции (отсылающие к объекту, на который направлен указательный жест говорящего, иногда мысленный). II. Анафорические (отсылающие к компонентам «данного» высказывания или тексту, в который эти местоимения входят). К ним относятся 1) личные местоимения 3-го лица; 2) указательные в анафорической функции; 3) возвратное; 4) взаимное (взаимно-возвратное); 5) относительные. III. Кванторные (дающие количественную

характеристику объекту/объектам): 1) местоимения неизвестности (*кто-то, какой-то* и под.); 2) слабоопределенные (*кое-какой, некоторый* и под.); 3) экзистенциальные (предполагают существование класса объектов с некоторыми свойствами, но не вводят никакого конкретного объекта из данного класса *кто-нибудь, какой-нибудь* и под.); 4) универсальные (*каждый, любой, всё* и др.); 5) отрицательные; 6) вопросительные¹ (*Словарь 1990: 294–295; Падучева 1985: 133–134*)².

§ 2. Разряды неизменяемых местоимений (местоименные наречия)

Как уже отмечалось, традиционно неизменяемые местоименные слова рассматриваются в рамках наречий. Одним из аргументов в пользу такого решения, следует, по-видимому, считать то обстоятельство, что русская морфология — это прежде всего морфология изменяемых слов. Изменяемые слова составляют абсолютное большинство всех слов русского языка. Неизменяемые слова в известном смысле представляют собой «полос аморфологии» русского языка. Правда, тезис об абсолютной неизменяемости русских наречий преувеличен. Если по традиции наречиям приписывать категорию степеней сравнения, то значительная часть наречий окажется охваченной данной категорией (ср.: *быстро — быстрее, весело — веселее, темно — темнее*). Однако неизменяемые местоимения (местоименные наречия)

¹ К кванторным относят и местоименные сочетания типа *хоть кто, все равно что, безразлично кто, кто угодно, что попало, что хочешь (хотите)*. Их статус трактуется по-разному (местоименных, сравнения, составных слова). См. об этом: *Откущичкова 1984: 10–11, 82–83*.

² В работе *Падучева 1985* три рассмотренных выше разряда местоимений распределены по двум «референциально-семантическим» классам: 1) местоимения, отсылающие к акту речи, к ним относятся дейктические и анафорические местоимения; 2) выражающие деволативный статус объекта (указывающие на тип речевой соотнесенности слова с внеязыковой действительностью), к ним отнесены кванторные местоимения (*Падучева 1985: 133–134*).

стоят вне категории степеней сравнения¹. В этом плане они существенно отличаются, к примеру, от неизменяемых существительных, которые, несмотря на отсутствие у них специфически морфологического способа (с помощью формообразующих аффиксов) выражения категориальных морфологических значений, охарактеризованы по этим значениям, т.е. обладают родом, числом, падежом и одушевленностью—неодушевленностью. Неизменяемые местоименные слова не имеют ни одной общей с изменяемыми местоимениями морфологической категории, они вообще лишены каких-либо морфологических категорий, но это, естественно, не мешает считать их наречиями. Именно в этом плане можно говорить, что наряду с неизменяемыми («бесформенными» — А.М.Пешковский) наречиями они и представляют собой зону «отрицательной» морфологии в рамках самостоятельных частей речи.

Подчеркнем при этом одно существенное обстоятельство, связанное с решением вопроса о частеречном статусе неизменяемых местоимений. Если с узкоморфологической точки зрения вопрос о частеречном статусе местоименных существительных, прилагательных и числительных (т.е. «растворять» ли их соответственно в существительном, прилагательном и числительном или же выделять в самостоятельные части речи) решается неоднозначно (и вряд ли имеет перспективу однозначного решения), то вопрос о частеречном статусе местоименных наречий решается абсолютно однозначно: узкоморфологически они от наречий ничем не отличаются².

Внутренняя связь собственно наречий и наречий-местоимений проявляется в более конкретных аспектах. Так, местоименные наречия безболезненно вписываются в систему лексико-грамматических классов и разрядов наречий (классы обстоятельственных и определительных

¹ Данное утверждение основывается на невозможности образования сравнительных форм у местоименных наречий синтетическим способом (*весел-ее* и под.) — основным, репрезентативным способом выражения морфологической категории степеней сравнения. Впрочем, даже если допустить, что у некоторых местоименных наречий возможна аналитическая форма сравнительной степени (*Все ты делаешь более по-своему, чем по-моему*), это ничего принципиально не меняет в дальнейших утверждениях.

² «Местоименные наречия грамматически ничем не отличаются от наречий знаменательных» (*Янко-Триницкая 1982: 79*).

наречий с последующим делением на разряды — наречия времени, места причины, цели и т.д.). Одна из причин этого, с нашей точки зрения, состоит в отсутствии у местоименных наречий морфологических категорий. Ведь именно специфичность проявления морфологических категорий и их состав у местоименных существительных и прилагательных не позволяет последним «безболезненно» вписываться в систему лексико-грамматических разрядов существительных и прилагательных¹.

Наречность неизменяемых местоимений, таким образом, проявляется ярко и отчетливо. Вместе с тем местоименные наречия остаются словами с местоименной семантикой и распределяются, подобно другим местоимениям, по собственно местоименным рубрикам (личные — *по-моему, по-вашему*; возвратное — *по-своему*; и под. см. ниже). Не случайно поэтому, если неизменяемые местоимения описываются в рамках наречия, они помещаются сразу в две классификации — собственно наречную и местоименную (один из примеров этого см. в *Грамматика 1980, I: 703–705*). Это стабильная практика описания местоименных наречий. Того же самого нельзя сказать об описании других морфологических классов местоимений. В самом деле, вряд ли возможна постановка вопроса о том, какому лексико-грамматическому разряду прилагательных — качественным или относительным — принадлежат лексемы *какой? какой-то?* или же к какому лексико-грамматическому разряду существительных (конкретные, собирательные и под.) относятся местоимения *кто? что?*

Столь отчетливая и органичная «вписанность» неизменяемых местоименных слов в наречия, естественно, не может не сказываться на их семантических характеристиках. В частности, если говорить о

¹ Отметим, однако, что некоторые рубрики наречий являются более местоименными, чем собственно наречными. В данном случае мы имеем в виду рубрики наречий причины и цели (наречия обусловленности), которые в русском языке на две трети состоят из местоименных лексем (*почему, почему-то, зачем, зачем-то* и т.д.). Неместоименные наречия причины и цели немногочисленны (в совокупности их примерно десятков), к тому же почти все они стилистически маркированы (либо как разговорные, либо как просторечные — *сдуру, селуна, стьяну, назло* и под.). Отметим при этом, что русский язык, по-видимому, единственный, в котором имеются неместоименные наречия обусловленности. В других языках наречия обусловленности (это как правило наречия тех же двух групп — причины и цели) только местоименные.

семантических структурах местоименных наречий, не всегда можно с уверенностью определить, какие именно семы наречные или местоименные — доминируют в этих структурах. В первую очередь это касается наречных местоимений, имеющих наречные модели морфемно-словообразовательных структур. Это относится, напр., к лексемам типа *по-моему, по-вашему, по-своему* (ср.: *по-хорошему, по-новому, по-зверину*), место которых в собственно местоименных классификациях определяется неоднозначно и которые иногда в этих классификациях вообще отсутствуют (не упоминаются) (см., к примеру, *Янко-Триницкая 1982*). В определенной степени это относится и к таким словам, как *дотеперь, докуда, дотуда, досюда* (ср.: *донельзя, доверху, навсегда* (ср. *наконец*) и др.

Обратимся к классификации местоименных наречий.

1. **Личные.** Если в значении местоимений-наречий акцентировать семы, связанные с их корневыми элементами, то к личным должны быть отнесены наречия, производные в первую очередь от собственно-личных местоимений: *по-моему, по-твоему, по-нашему, по-вашему*. Наречия, производные от личных местоимений 3-го лица в их личном значении (*по-его, по-ее, по-их*) почти неупотребительны и имеют разговорно-просторечный оттенок.

2. **Возвратное.** Только одно — *по-своему*. Производно от возвратно-притяжательного местоимения *свой*.

3. **Притяжательные.** К притяжательным местоименным наречиям относят те же лексемы, которые были перечислены в предыдущих двух рубриках. Данный разряд в наречных классификациях указывается только тогда, когда соответствующий разряд выделяется и у изменяемых местоимений (см., к примеру, *Шелякин 1986: 28* и ср.: *Грамматика 1980, I: 704*, в которой данная рубрика местоименных наречий отсутствует). Еще А.М.Пешковский усомнился в обоснованности выделения лексем типа *мой, свой* в особую рубрику — притяжательных местоимений. По его мнению, притяжательное значение у них создается не за счет корня, а за счет аффиксов. Аналогичную «аффиксальную» семантику имеют и местоимения *чей?* (вопросительное), *чей* (относительное), которые тем не менее не принято трактовать как притяжательные. В плане же корневой семантики местоимения типа *мой, свой* должны быть разнесены по рубрикам личных и возвратных (*Пешковский 1938: 164–165*).

Мысль Пешковского о двуплановости рубрикации местоименных слов (по «аффиксальной» семантике и по корневой — с отчетливым

предпочтением второго принципа) получила развитие в разграничении двух типов местоименных классификаций «логико-семантической» и «тематической» (Левин 1973: 108–109; Падучева 1985: 134; Словарь 1990: 294–295). Примером классификации первого типа может быть классификация С.А.Крылова и Е.В.Падучевой (см. выше). Что касается тематической классификации, то в ее рамках местоименные слова подразделяются (по главной синтаксической функции) на три основные группы: местоимения-существительные, местоимения-прилагательные и местоименные наречия. Субстантивные местоимения в свою очередь распадаются на одушевленные—неодушевленные, личные—неличные (ср. англ. *it*) и др. Адъективные местоимения делят на качественные (*какой*), количественные (*сколько, несколько*), порядковые (*который*), притяжательные и нек. др. Тематическая рубрикация местоименных наречий практически полностью совпадает с рубрикой неместоименных наречий (качественные — *как, так*, пространственные — *здесь, туда, сюда*; временные — *когда, тогда, когда-нибудь*; причинные — *почему? потому* и т.п.) (Словарь 1990: 295).

Идея неоднородности классификации местоименных слов в целом является плодотворной. Вместе с тем многое в «тематической» классификации — и прежде всего в ее принципах — представляется спорным и неоднозначным. В частности, не вполне ясным представляется и самый принцип разграничения «логико-семантической» и тематической классификаций. Не случайно поэтому притяжательные местоимения, как и некоторые другие «тематические» рубрики, по-прежнему фигурируют в местоименных классификациях наряду с такими разрядами, как личные, возвратные и т.п. Если говорить о местоимениях типа *по-моему, по-своему*, то они представляют собою своеобразный трехслойный семантический «пирог», поскольку являются, с одной стороны, личными и возвратным, а с другой — несут на себе отчетливый «тематический» отпечаток как собственно местоимений (притяжательные), так и наречий (качественно-определяющие). Этим и объясняются конкретные решения, связанные с вопросом об их месте в классификациях: то они квалифицируются как личные и возвратные, то как притяжательные, то вообще не упоминаются в классификации местоименных наречий и помещаются только в собственно наречную классификацию.

4. Указательные наречия. К ним обычно относят: 1) пространственные: *здесь, тут, там; туда, оттуда, дотуда* (разг., простореч.); *сюда, отсюда, досюда* (разг.); 2) временные: *сейчас, теперь, ныне, тогда;*

потом, затем; пока, покамест (устар., простореч.), *покуда* (простореч.) (Спрячь меня покуда, душа моя; а когда он придет, ты меня выпроводи (А.Островский)); *доселе* (простореч.), *дотоле* (простореч.), *пояныне, донныне; отныне*; 3) причины: *оттого, потому, поэтому*; 4) цели: *затем*; 5) качественно-определяющие (способа, образа действия): *так* (А вы как с ней говорили? Так ли должен говорить влюбленный? (Достоевский)), *этак*; 6) меры и степени (количественные): *так* («Правда ли, что он так красив собой?») — «Удивительно хорош, красавец, можно сказать» (Пушкин)), *настолько* (Все вывески нам удавалось в конце концов прочитывать, настолько болгарский язык близок к русскому (Солоухин)), *сколько* ([Митенька] старался придать себе сколько возможно более степенную физиономию (Салтыков-Щедрин)), *сколь, столько* (Я говорил, что я человек не военный, мне водки столько нельзя (Булгаков)), *сталь* (Какое важное дело привело вас ко мне сталь поздно? (Тургенев)).

Обращает на себя тот факт, что по количеству указательные наречия почти в три раза превосходят группу изменяемых указательных местоимений. Объяснение этому факту состоит в том, что местоимения типа *этот* — *тот* могут употребляться с любым существительным, соотноситься с любой именной группой, предложением, фрагментом текста. Наречие же — это лексикализованное выражение обстоятельств, и, естественно, наречие места, к примеру, не может в норме выступать в роли обстоятельства способа, цели или времени действия (ср. в этом плане возможности изменяемых местоимений: *в это/то время, в этом/том месте, этим способом, таким образом*). Адвербиальная лексикализация в сфере обозначения временных и пространственных отношений связана с дифференциацией статических (*здесь, сейчас*) и векторных (динамических) указаний (*туда, сюда*) и последующим делением векторных на фиксирующие удаление от точки отсчета (*оттуда, отсюда*) или приближение к ней (*дотуда, досюда*) (подробнее см.: Евтюхин 1979).

5. Определяющие местоименные наречия: *езде, всюду, повсюду, отовсюду, всегда, навсегда, по-всякому, всячески; по-иному, иначе, по-другому* (разг.). Как уже было показано, традиционная рубрика определяющих местоименных неоднородна по своему составу. Тем не менее, по-видимому, отдавая дань давней традиции, эту рубрику по-прежнему включают в местоименные классификации, в том числе и в классификации местоименных наречий (см., напр.: Грамматика 1980, I: 704). В целом по характеру выражаемого значения определи-

тельные местоименные наречия должны быть отнесены к кванторным (обобщающе-выделительным).

Отметим, что применительно к местоименным наречиям термин «определятельные» имеет иное содержание, нежели тот же термин в его применении к неместоименным наречиям. Определятельные (неместоименные) наречия — это те, которые выступают в функции глагольного определения: *быстро бежит, говорит громко*. Определятельные же местоименные наречия это те, которые соотносятся с определятельными местоимениями (*весь, всякий, каждый* и т.д.), причем некоторые из этих наречий выступают и в роли глагольных определителей: *говорить иначе¹, всячески поддерживать*. Терминологический разнобой, связанный с использованием слова «определятельный» в применении к местоименным словам и наречиям, весьма неудобен, и думается, что его устранение возможно за счет исключения «определятельной» рубрики из классификации местоименных слов. В пользу такого решения говорят и соображения, касающиеся семантики определятельных местоимений (их семантическое неединство), а также самого способа выделения данной рубрики (по синтаксической функции — выступать в качестве определений; но в роли определений выступают и другие местоимения²).

¹ Ср.: А на дворе, по словам Натальи, объяснили слабоумие деда иначе: тем, что тронулся Петр Кириллыч от любовной тоски после смерти красавицы бабушки, что великая гроза прошла над Суходолом перед вечером того дня (Бунин).

² Впрочем, мотивация термина «определятельный» (в приложении к местоимениям) посредством обращения к соответствующей синтаксической функции — это мотивация несколько модернизированная, основывающаяся на современном толковании понятия определятельности. Термин «определятельные местоимения», по-видимому, введен в обращение Н.И.Гречем, который им именовал только два местоимения — *сам* и *самый* (Греч 1834: 113). О том, какое содержание вкладывали прежде в это понятие применительно к местоимениям, дает одно из высказываний Ф.И.Буслая: «Местоимение *самый*, означая высшую определятельность и происходя от *сам*, имеющего, между прочим, смысл первенства, весьма естественно, получило в языке право обозначать превосходную степень, и при том не только качественных прилагательных, напр.: *самый добрый*, но и некоторых относительных, напр.: *самый сельский*» (Буслая 1959: 398). Во второй половине XIX в. далеко не все лингвисты, выделяя местоимения типа *весь, самый, любой* в особую рубрику, именуют их определятельными. Напр., В.А.Трофимов называет их «определенными» (Трофимов 1957: 132).

6. **Вопросительные местоименные наречия:** 1) **пространственные:** *где? куда? откуда? докуда?* (разг.); 2) **временные:** *когда? доколе? (доколь?)* (устар., простореч.), *докуда?* (простореч.) (*Девушки, да докуда же мы будем терпеть?* (Вересаев)); 3) **причинные:** *отчего? почему?*; 4) **цели:** *зачем?*; 5) **качественно-определятельное:** *как¹? какво?* (*Какво почивае, миленький?* (Чернышевский)); 6) **количественные:** *как?* (— «И пью, и ем много и жадно.» — «Да как много-то?» (А.Островский)), *сколько? насколько?* (разг.) (*И насколько же ваши действия можно считать оправданными?*); 7) **предикативные** (сказуемые, в безличных предложениях): *каково?* (— «Каково на дворе?» — «Сыро, ваше превосходительство» (Тоголь)), *как?*

Подобно указательным, вопросительные местоименные наречия отчетливо вписываются в сетку лексико-грамматических разрядов неместоименных наречий.

7. **Относительные:** 1) **пространственные:** *где, куда, откуда, докуда* (разг.) (*А в озимом поле расстилается, докуда хватает глаз, вызолоченное солнцем ржаное поле* (В. Смирнов)); 2) **временные:** *когда* (*Он говорил, о временах грядущих, Когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся* (Пушкин))², *доколе (доколь), докуда* (*Крестьянин землей и крепок: докуда он на ней — жив, сорвался с нее — пропал* (Горький)); 3) **причинные:** *отчего, почему*; 4) **цели:** *зачем*; 5) **качественно-определятельное:** *как; 6) количественные:* *как* (*И знали бы вы, как все это мне противно* (И.Григорьев)), *насколько, сколько, сколь*; 7) **предикативные:** *как, какво*.

8. **Отрицательные:** 1) **пространственные:** *нигде, нигде, ниоткуда*; в сказуемом употреблении (в безличных предложениях): *негде* (*В Обломовке негде жить, дома еще нет... Какая же свадьба?* (Гонча-

¹ Словоформа *как* (в вопросительной и невопросительной функции) имеет весьма широкий спектр значений. В предлагаемой классификации отражена лишь часть этих значений.

² Разграничение относительного слова *когда* и союза *когда* вызывает определенные (а иногда и значительные) затруднения. В некоторых случаях это разграничение проводится в определенной мере условно. Еще Д.Н.Овсянко-Куликовский отмечал, что союз *когда* сохраняет частичное наречное значение (Овсянко-Куликовский 1912: 279). Впрочем, проблема дифференциации союз — союзное слово касается и других временных (и невременных) относительных местоименных наречий (см., напр.: Ильинко 1958, 1966; Колосова 1967; Пряткина 1977; Леннерен 1995).

ров)), *некуда*; 2) **временные**: *никогда*; *некогда* (в сказуемом употреблении; в безличных предложениях — *Бедным, сударь, некогда, у них день и ночь работа* (А.Островский)); 4) **целевое**: *незачем* (в сказуемом употреблении): *Всех его рассказов я передать <...> не могу, да и незачем* (Тургенев); 5) **качественно-определяющие**: *никуда* (разг.) (*Вот ты, Анюта, намного меня моложе, а выглядишь куда* (Арбузов)), *никак* (*Несмотря на все мои старания, я никак не мог заснуть* (Тургенев)); 6) **меры и степени**: *никак* (*Без кровли никак нельзя <...>* (Бабаевский))¹.

9. **Неопределенные**: 1) *где-нибудь, -то, -либо; негде* (устар.) (*Негде, в тридевятом царстве, В тридесятном государстве, жил-был славный царь Дадон* (Пушкин)), *куда-то, -либо, -нибудь; откуда-то, -либо, -нибудь*; 2) *когда-то, -либо, -нибудь; некогда; как-то* (*Помнишь, мы как-то с тобою повздорили* (А.Н.Толстой)), *как-нибудь* (*Мы с Ванькой уговорились как-нибудь сходить туда* (Замойский)); 3) *отчего-то, -либо, -нибудь; почему-то, -либо, -нибудь*; 4) *зачем-то*; 5) *как-то, -либо, -нибудь*; 6) *сколько-то, -либо, -нибудь; столько-то*.

¹ *Никак* в значении определятельном (образа, опособа действия) и в значении меры и степени дифференцируется не вполне отчетливо, вследствие чего второе значение (меры и степени) часто в словарях не фиксируется (ср., напр.: *Словарь 1981–1984, II: 498*).

ГЛАВА III

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕСТОИМЕНИЙ

Речь в данной главе идет преимущественно о морфологических и частично о некоторых синтаксических особенностях местоименных слов. Морфология понимается преимущественно как морфология именных категорий рода, числа, падежа, одушевленности—неодушевленности.

Обычно по грамматическим особенностям местоименные слова разбивают на три-четыре типа. В основу разбиения кладется принцип подобия грамматических свойств местоименных слов свойствам основных частей речи. Выделяются местоимения субстантивного типа (местоимения-существительные), адъективного типа (местоимения-прилагательные) и адвербиального типа (местоименные наречия). Отношение лингвистов к выделению в качестве особого грамматического разряда местоимений нумерального типа, или местоимений-числительных (*сколько, несколько* и под.), противоречиво. Это объясняется главным образом сомнениями в возможности выделения в русском языке числительных как особой части речи¹.

¹ Имеются и классификации, состоящие из большего количества грамматических типов местоименных слов. Так, по мнению М.И.Откупщиковой, выделяются местоименные существительные, прилагательные, числительные, местоименные глагольные сочетания (*что делать? что происходит?* и др.), предикативы (*каково, незачем, некого* и под.), частицы (*это, то, вот, он, что, как, никак* — *Никак ты уже пришел?* и др.) (Откупщикова 1984; Откупщикова 1995: 34–35).